

Матвеев Евгений
Семёнович

40603,

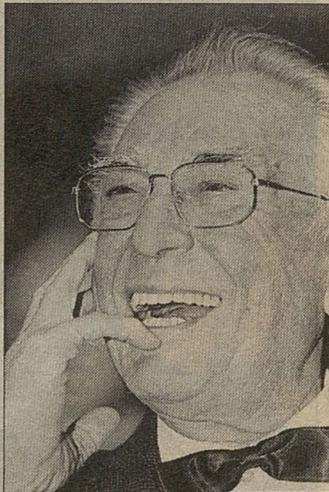
На грани страсти

Сегодня в московском Доме кино кинематографисты прощаются с **народным артистом СССР ЕВГЕНИЕМ МАТВЕЕВЫМ**, похороны которого состоятся на Новодевичьем кладбище.

Титанов советской киноэпохи остается все меньше. Они уходят по-разному. Кто-то — почти забытым, иногда — обиженным на новую власть и новую страну. Кто-то — в тщетных попытках и в этой новой жизни соединить опыт минувшего с непонятными им реалиями дня сегодняшнего. В любом случае время титанов закончилось. В кино, как и в жизни, настала эпоха трезво мыслящих деловых людей. Не великих. Не сентиментальных. Но вполне конкретных. И чаще всего достаточно бесстрастных.

Если попытаться одним словом определить творческую сущность Евгения Матвеева, то это слово — страсть. Не народность, как это принято считать, ибо народность — понятие достаточно сложное и спекулятивное. Не пафосность, хотя его работы в кино — и актерские, и режиссерские, — безусловно, пафосны, приподняты, и это неизменно подставляло его под насмешливые уколы критики. И уж точно не конъюнктурность, в коей его упрекали жестоко и чрезмерно. Уж кем Матвеев точно не был, так это конъюнктурщиком. Был человеком искренним, добрым и сентиментальным. Верил в то, что делает, даже если приходилось снимать партийно-правительственную агитку или играть генерального секретаря.

Не было другого такого героя (а такие люди, как Матвеев, сами становятся неотделимы от созданных их фантазией и талантом персонажей) в нашем кино. В одной из его давних ролей — вернувшегося с фронта солдата в фильме «Родная кровь» — очень точно угадана самая суть характера, то ли пришедшего на экран из провинциальных русских городков и поселков, то ли с экрана спустившегося в реальную жизнь. Эта суть — страстность в соединении с добротой. Все — с перебором, чрезмерно, на грани, а порой и за гранью вкуса, но именно потому — по-настоящему. В «Родной крови» герои многократно пересматривают мексиканский фильм,

где тоже страсти — в ключья. Мог ли тогда, в начале шестидесятых, кто-нибудь предположить, каким странным эхом отзовется мексиканская тема в русской душе спустя всего три десятилетия? Какими полезными и целебными окажутся для зрителей северной суровой страны все эти заморские, знойные, чрезмерные, почти карикатурные, почти пародийные страсти? Именно это угадал или (как человек тонкий и мудрый) почувствовал Матвеев. И потому его так любили женщины. И его фильмы, и его самого — яркого, крупного. Настоящего мужика, который и приласкает, и обогреет, и пожалеет, и защитит.

Мелодрама прорывалась через все, что делал Матвеев. Он был, вне всякого сомнения, создан для мелодрамы, если понимать под этим якобы низким жанром историю страстей, из которых, собственно, и состоит жизнь. Обидно, что в чистом кристаллизованном виде он мелодрам почти не снимал. Обидно, что много времени пришлось потратить совсем на другие вещи. Но искреннее, человеческое, страстное и настоящее он мог находить в любом материале — от Льва Толстого до Шолохова.

Матвеевские роли, матвеевские фильмы, матвеевская эпоха... Она закончилась в минувшее воскресенье. И любить по-русски после него уже никто не будет.

АЛЕКСАНДР КОЛБОВСКИЙ

Врач ММ-2003-4 июля-с.7.